

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ) /
THEORY AND METHODS OF TEACHING AND UPBRINGING (BY AREAS AND LEVELS OF EDUCATION)**

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.22>

**СМЫСЛОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ТОСКА» (НА ФОНЕ ЕГО
ПЕРЕВОДА НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК)**

Научная статья

Шабловская П.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0005-2746-9436;

¹ Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (pshablovskaia[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу рассказа А. П. Чехова «Тоска» и его перевода на арабский язык, выполненного переводчиком Абу Бакром Юсефом. Исследование направлено на выявление смысловых и стилистических различий между оригиналом и переводом, обусловленных культурными и языковыми особенностями русского и арабского языков. Автор рассматривает композиционные элементы произведения, включая экспозицию, основное действие и развязку, акцентируя внимание на лексических, стилистических и лингвокультурологических особенностях текста. Полученные результаты могут быть полезны для разработки методики работы с русским художественным текстом в процессе обучения русскому языку как иностранному для арабоязычной аудитории.

Ключевые слова: А. П. Чехов «Тоска», анализ рассказа, рассказ А. П. Чехова «Тоска» в арабской аудитории, сопоставительный анализ, лингвокультурологический анализ, перевод на арабский язык.

**SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF CHEKHOV'S STORY "TOSKA [MISERY]" (IN THE CONTEXT OF
ITS TRANSLATION INTO ARABIC)**

Research article

Shablovskaia P.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0005-2746-9436;

¹ Herzen University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (pshablovskaia[at]gmail.com)

Abstract

The article is dedicated to a comparative analysis of Chekhov's story "Toska [Misery]" and its translation into Arabic by the translator Abu Bakr Yousef. The study is aimed at identifying semantic and stylistic differences between the original and the translation due to cultural and linguistic specifics of the Russian and Arabic languages. The author examines the compositional elements of the work, including exposition, main action and denouement, focusing on lexical, stylistic and linguocultural features of the text. The results obtained can be useful for developing a methodology of working with Russian fiction text in the process of teaching Russian as a foreign language to Arabic-speaking audiences.

Keywords: A. P. Chekhov "Toska [Misery]", analysis of the story, A. P. Chekhov's story "Toska [Misery]" in the Arabic audience, comparative analysis, linguocultural analysis, translation into Arabic.

Введение

Рассказ А. П. Чехова «Тоска», написанный в 1886 году, относится к раннему периоду творчества писателя. Это короткая история об извозчике Ионе, которая не только передает его душевные страдания, но и затрагивает более глубокие темы – равнодушие окружающих к чужим переживаниям и одиночество в толпе. Эти темы особенно актуальны для обсуждения в международной аудитории. Несмотря на небольшой объем, рассказ богат лексическими, стилистическими и лингвокультурологическими особенностями, что позволяет глубже понять культурный контекст русской литературы и ее традиции. Произведение подходит для изучения на продвинутом уровне обучения русскому как иностранному (уровень B2).

«Реалии присутствуют в большом количестве практически во всех произведениях Антона Павловича Чехова... Реалии требуют особых приемов при переводе, ведь в случае их утери национальный колорит, особенности культуры и отражение менталитета народа становятся недоступными читателю» [5, С. 382].

Гипотеза исследования состоит в том, что текст перевода русского художественного текста на арабский язык содержит определенные смысловые и стилистические расхождения в силу отсутствия близкородственности между арабским и русским языками и арабской и русской культурами.

Обнаружение указанных различий может служить полезной информацией для разработки модели работы с русским художественным текстом в контексте обучения русскому языку как иностранному в арабоязычной аудитории.

Проблема исследования заключается в отсутствии сопоставительного анализа рассказа «Тоска» с его переводом на арабский язык.

Цель данной работы заключается в выполнении сопоставительного смыслового и стилистического анализа художественного произведения с его переводом на арабский язык с точки зрения выявления учебного потенциала художественного текста в процессе обучения арабоязычащих иностранцев русскому языку.

Методы исследования: метод контент-анализа научной литературы; метод контекстного анализа; метод стилистического анализа; метод сопоставительного анализа; описательный метод.

Основные результаты

Выявлены смысловые расхождения между оригинальным текстом рассказа А. П. Чехова «Тоска» и его переводом на арабский язык:

- неточная передача ключевого понятия «тоска» в арабском переводе словом "وحشة" (одиночество, уныние), которое не полностью отражает многогранность этого состояния в русском языке;

- утрата экспрессивно-оценочных коннотаций при переводе слова «лошадёнка» нейтральным арабским словом "فرس" (лошадь, кобыла), что искажает авторский замысел.

Проведен глубокий стилистический и композиционный анализ рассказа, выявляющий богатство языковых средств Чехова для создания атмосферы, психологизма и единства человека и природы. Показана идентичность состояний извозчика Ионы и его лошади.

Обоснован учебный потенциал рассказа «Тоска» для изучения РКИ на продвинутом уровне (B2) благодаря его лексическим, стилистическим и лингвокультурологическим особенностям.

Доказана необходимость лингвокультурологического подхода при работе с художественными текстами в иностранной аудитории для преодоления межъязыковой и межкультурной интерференции.

Обсуждение

Для анализа использовался рассказ А. П. Чехова «Тоска» в оригинале [6], без сокращений и адаптаций и его перевод на литературный арабский язык, выполненный авторитетным в области художественной литературы переводчиком Абу Бакром Юсефом [10].

Данное произведение следует отнести к прозаическому жанру рассказа повествовательного характера, описывающего один вечер из жизни основного действующего лица – извозчика Ионы и его «лошаденки». Рассказ относится к литературному направлению реализм, так как правдиво воспроизводит действительность в ее типичных чертах.

Прежде всего, важно обратить наше внимание на заглавие рассказа, поскольку оно включает, возможно, не всегда прямые, однако индикативные элементы, указывающие на тематику и смысл текста. Творчество Антона Павловича Чехова демонстрирует мастерство в использовании заглавий, как важного литературного средства, и его рассказ, озаглавленный проникновенным и содержательным термином «тоска», предустанавливает тон и настроение повествования, позволяя нам уже до начала чтения сделать предположения о многочисленных эмоциональных переживаниях, заложенных в произведении.

В словарных статьях лексема «тоска» трактуется следующим образом:

- душевная тревога, уныние; скука [8];

- стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь [7].

«Легко заметить неудовлетворительность филологической дефиниции рассматриваемого слова. Его значение передано синонимичным рядом... Таким образом, на понятийном уровне значение русского слова «тоска» эксплицировано размыто. Диффузный характер значения данного слова, нечеткость определения его понятийных границ приводят к большим трудностям при его переводе на другие языки» [3, С. 21–22].

В. В. Колесов в статье «Грусть-тоска в русском языковом сознании», проанализировав примеры из русской литературы, отмечает: «Тоска обращена и кверху (трансцендентному), и книзу, тоска бытия – это жизнь без надежды. Физически это чувство удушья, отсутствие свободы дыхания, длительное стеснение духа, которое истощает душу: её чувствуют, но не видят» [2, С. 10].

И действительно, в интерпретации на арабском языке Абу Бакр Юсеф выбрал многозначное слово وحشة (одиночество; безлюдность, пустынность; отчуждённость, неприязнь; уныние, подавленность; тревога, беспокойство) [9]. В данном случае перевод только частично передает значение русского слова «тоска», при этом имеет дополнительные коннотации, которые в целом передают тональность рассказа и указывают на тематику повествования.

Рассказу предшествует эпитафия «Кому повем печаль мою?..» Это отрывок из духовного стиха «Плач Иосифа Прекрасного», в котором герой жалуется на свое одиночество в минуты скорби и страдания. Заглавие и эпитафия взаимно дополняют друг друга, уже с первых строк проливая свет на суть проблематики произведения. Единственная строка эпитафия передает фабулу рассказа.

Рассказ, как жанр короткой повествовательной прозы, представляет событие, важное для персонажа, которое разворачивается в нескольких частях, образуя композицию и включая некоторую проблему. Каждая часть композиции имеет свой смысл, отражающийся в выбранных языковых средствах. В конце рассказа эти смыслы объединяются, формируя в уме читателя общую концепцию произведения. В связи с этим целесообразно интерпретировать и понять смысл рассказа на основе анализа – начать анализ с выделения композиционных частей.

Повествование начинается с описательных элементов, которые характеризуют место действия, его условия и действующих лиц. Затем следует основное действие, которое является динамичным и насыщенным персонажами и событиями. В произведении можно выделить три части: экспозиция, основное действие, которое можно разделить на четыре эпизода (военный, трое молодых людей, дворник, молодой извозчик на «дворе»), и развязка, представленная в виде исповеди Ионы своей лошади.

Всякое повествование, рассказывая о событии, включает действующих лиц: Иона и детали, создающие его образ, образы седоков, фоном служат пейзажные зарисовки, которые в художественном тексте всегда соотносятся с состоянием персонажей. Все это заслуживает тщательного анализа при работе с текстом.

В первом фрагменте текста отражается традиционное для русской культуры представление о зиме, которая ассоциируется со снегом, темнотой и холодом. Мастерское описание снегопада создает у читателя ощущение реалистичности происходящего и позволяет в полной мере войти в атмосферу городского зимнего вечера. «Лексика начала рассказа обозначает основные составляющие этого произведения: неподвижность, холод, скованность, заторможенность, неестественность движений, произносимых звуков; отсутствие сил. Эти характеристики применимы к обоим персонажам: извозчику и его лошади: Иона кривит рот, лошаде́нка кривит ноги; Иона вытягивает шею, лошаде́нка вытягивает шею. Начало рассказа показывает идентичность состояний обоих персонажей» [4, С. 1191].

В рассказе прослеживается единство между Ионой и его лошаде́нкой, их соратничество, почти родственные отношения пронизывают всю историю. Чехов дополняет портрет главного героя через описание его лошади.

«Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. <...> Его лошаде́нка тоже бела и неподвижна».

و الحوذى أيونا بوتابوف أبيض تماما كالشبح • انحنى متقوسا بقدر ما يستطيع الجسد الحى أن يتقوس و هو جالس على المقعد بلا حراك <...> و فرسه أيضا بيضاء، تقف بلا حراك

Обратим внимание на то, что в переводе Абу Бакра Юсефа существительное «лошаде́нка» (ж. разг. уничиж. к суц. лошадь) заменяется на арабское слово "فرس" (лошадь, кобыла). Это изменение в значительной степени влияет на смысл, который автор вложил в оригинальный текст. Отсутствие экспрессивного оттенка в переводе, создает совершенно другой образ.

В начале рассказа автор делает единственное отступление, которое выделяется от остальной пространственной ситуации в рассказе: *«Его лошаде́нка..., по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда, в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...»*

В переводе на арабский язык обращает на себя внимание фраза:

«Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин...»

فمن انتزع من المحراث، من المشاهد الريفية المألوفة.

(Дословно: кого оторвали от плуга, от знакомых деревенских сцен)

Переводчик отметил, непонятный для арабофонов образ русской деревни «привычные серые картины» и заменил это словосочетание объясняющим комментарием «знакомые деревенские сцены». И правда, в виду географического положения и климатических условий, пейзажи русской и арабской деревни значительно отличаются друг от друга.

«Продолжая горькое раздумье о человеке, оторванном от плуга, А. П. Чехов помещает Иону в гуцу уличной толпы. Именно там, на улице, в омуте городской жизни страдает и мучается от одиночества и непонимания окружающих герой А. П. Чехова» [1, С. 179].

Во втором фрагменте рассказа Иона наконец-то находит долгожданного пассажира, солидного военного, и отправляется в путь. Вокруг него суетятся прохожие, и из «темной, движущейся взад и вперед массы» непрерывно раздаются окрики и ругательства:

«— Куда прешь, леший! — на первых же порах слышит Иона возгласы из темной, движущейся взад и вперед массы. — Куда черти несут? Права держи!»

- إلى أين تندفع أيها الاحمق! أي شيطان ألقى بك؟ الزم يمينك!

«— Сворачивай, дьявол! — раздается в потемках. — Пovyлазило, что ли, старый пес? Гляди глазами!»

حاسب يا ملعون! هل عميت أيها الكلب العجوز! افتح عينيك!

Абу Бакр Юсеф пытается передать бранные выкрики городской толпы с должной экспрессией. Он заменяет национально-фольклорное слово «леший» на арабское слово "أحمق" (1. глупый, злой 2. дурак), которое достаточно точно передает переносное значение, но при этом теряет русский колорит. Грубые просторечные выражения «повылазило» и «гляди глазами» были смягчены в переводе фразами «ты слепой» и «открой глаза свои». Можно сделать вывод, что переводчик не испытывал сложностей при подборе эквивалентов для бранных слов, но эмоциональная окраска просторечных выражений передана не точно и звучит менее грубо, чем в исходном тексте. В арабском языке отсутствует соответствие русской поговорки «куда черти несут».

Тем временем поездка Ионы с солидным седоком продолжается. Иона пытается продолжить разговор и рассказать о смерти сына.

«— А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер».

- أنا يا سيدى. هذا لأسبوع يعنى. ابنى مات

«— Отчего же он умер?» — с вежливым равнодушием спрашивает военный.

-ومم مات إذن؟

В переводе совершенно не отражена смена регистров речи: просторечное «помер» и более литературное «умер» зафиксированы арабским словом مات (умирать, испускать дух; издыхать).

Ионе так и не удается поговорить о смерти сына, военный закрыл глаза и не расположен слушать.

К освободившимся саням, «громко стуча калошами и перебраниваясь» между собой, подходят следующие пассажиры – три молодых человека, «двое из них высоки и тонки, третий мал и горбат». По дороге к месту назначения старый извозчик становится мишенью их насмешек и издевательских вопросов. Особенно выделяется горбач, он больше всех бранит Иону и именно он дает подзатыльник извозчику, а на попытку старика рассказать о смерти сына цинично бросает: *«Все помер»/كلنا سنحوت*. Совершенно нехарактерная для арабского речевого этикета фраза, звучащая слишком прямолинейно и несколько необычно для арабской культуры.

«— Старая холера, слышишь? Ведь шею на костыляю!.. С вашим братом церемониться, так пешком ходить!.. Ты слышишь, Змей Горыныч? Или тебе плевать на наши слова?

И Иона больше слышит, чем чувствует, звуки подзатыльника».

أيها
هل سمعت ايها الوباء العجوز؟ ساكسر لك عنفك! التلطف مع جماعتكم معناه السير الأقدام.. هل تسمع
الثعبان الشرير؟ أم أنك تبصق على كلماتنا؟
ويسمع أيونا أكثر مما يحس بصوت الصفعة على قفاه.

В этом фрагменте бранные обращения «старая чума» и «Змей Горыныч», явно использованные Чеховым в переносном значении, переводчик отобразил почти дословным переводом, так как в арабском языке данные варианты соотносимы по значению:

العجوز (старая чума) الثعبان الشرير (злой змей)

При обозначении отдельных элементов ситуации, в арабском языке чаще чем в русском используются слова или словосочетания, которые отражают эти элементы в зримых, «живописных» формах. Например, для русского слова «подзатыльник» в арабском варианте используется выражение الصفعة على قفاه (удар/ шлепок по затылку).

Высадив пассажиров и заметив проходящего мимо дворника, Иона обращается к нему в последней отчаянной попытке поговорить. Однако дворник, не останавливаясь, заявляет: «*Чего же стал здесь? Проезжай!*»/! لماذا تقف هنا؟ امشي

Диалогами с седоками Чехов рисует психологический портрет главного героя, резко противопоставляя их манеру общения. Иона обращается с почтением к военному «барин»/يا سيدي (мой господин), снисходителен к «веселым господам»/سادة ظرفاء, приветлив с дворником «милый»/ولدى (сын мой), а все встреченные им на петербургских улицах люди равнодушны к нему до безразличия, насмешливы до жестокости, грубы без основания. Абу Бакр Юсиф в переводе также передает этот контраст, но при этом использует более употребительные в арабском языке и культуре обращения.

Образный ответ Ионы одному из седоков, подчёркивающий его деревенское происхождение, полностью теряет свой стилистический окрас, в связи с невозможностью передать на арабском языке просторечия «таперя», «заместо», «идтить»

«— Таперя у меля одна жена — сырая земля... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...»

لم يعد لدى الان إلا زوجة واحدة: الأرض الرطبة... القبر يعنى! ها هو ذا ابني قد مات و أنا أعيش.. حاجة غريبة، الموت غلط فى الباب.. بدلا من أن يأتينى ذهب إلى

(Теперь у меня одна жена: сырая земля... могила значит! Вот, мой сын умер, а я живу... Странное дело, смерть ошиблась дверью... Вместо того, чтобы прийти ко мне, она пошла к сыну...)

В следующем фрагменте, впервые появляется слово «тоска» и заполняет все пространство текста. Иона - сосуд, тоска - то ли живое существо, то ли некая жидкая субстанция: «распирает», «выливается», «заливает», «помещается». «Как можно видеть, ассоциативный потенциал номинанта «тоска» в русском языковом сознании значителен. Тоска уподобляется человекоподобным действиям (охватить, овладеть и т. п.). В русском языке тоска осмысливается через понятия тяжести (тяжёлая тоска, тоска сжимает, давит), цвета (тоска зелёная), вкуса (сладкая тоска), физического поглощения человека самой эмоцией (грусть-тоска съедает, тоска грызёт), безысходности (грусть безысходная, безнадежная)» [3, С. 22].

«Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы <...> Но толпы бегут, не замечая ни его, ни его тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...»

و الوحشة التى هدأت قليلا تعود تطبق على صدره بأقوى مما كان. وتدور عينا أيونا بقلق و عذاب على الجموع المهرولة على جانبي الشارع... و لكن الجموع تسرع دون أن تلاحظه أو تلاحظ وحشته وحشة هائلة، لا حدود لها. لو أن صدر أيونا انفجر، وسالت منه الوحشة فربما أغرقت الدنيا كلها، و مع ذلك لا أحد يراها. لقد استطاعت ان تختبئ فى صدفة ضئيلة فلن ترى حتى فى وضوح النهار

Переводчик постарался передать слова автора как можно точнее, хотя для арабской культуры более характерно отождествление чувств с погодой и воздухом.

Чехов лаконично, короткими, но точными фразами передает состояние Ионы, безысходность его одиночества, тяжесть горя постепенно нарастают. И в конце концов, Ионе становится «невозмогу». В арабском варианте получило описательный перевод: لم يعد قاراً على التحمل (Он больше не мог этого выносить).

Гонимый тоской, Иона решает ехать «ко двору», где «на печи, на полу, на скамьях» спят усталые извозчики, но и здесь ему не с кем поговорить.

«Скоро будет неделя, как умер сын, а он еще путем не говорил ни с кем... Нужно поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер...» <...> А с бабами говорить еще лучше. Те хоть и дуры, но режут от двух слов».

عما قريب يمر أسبوع منذ أن مات ابنه، بينما لم يتمكن حتى الآن من الحديث عن ذلك مع أحد كما يجب. ضرورى أن يتحدث بوضوح، على مهل

ينبغي أن يروى كيف مرض ابنه، وكيف تعذب، وماذا قال قبل وفاته، كيف مات. و الأفضل أن يتحدث مع النساء. فهؤلاء وإن كن حمقات، يعولن من كلمتين

В этом фрагменте речь Ионы переплетается с речью повествователя. А. П. Чехов соединяет грубовато-простую речь крестьянина: «путем», «бабы», «дуры»/ نساء, «ревут» и одновременно неполную цитату из грибоедовского «Горя от ума» («с толком, с расстановкой»). Такое переплетение речи и стиля персонажа и нарратора оказалось почти невыполнимой задачей для переводчика. К примеру, просторечное «путем» стало более формальным كما يجب (как следует, надлежит), грубое «ревут» – более экспрессивно окрашенным يعولن (вопят, кричат, воют), «бабы» – нейтральным نساء (женщины), «дуры» переданы в переводе почти эквивалентным حمقاوات (глупые, дуры). Выражение «с толком, с расстановкой» Абу Бакар передал с помощью перечислений «بوضوح، على مهل» (объективно, медленно).

Тяжелые думы мучают Иону и он отправляется в конюшню, проведать свою лошадь и рассказывает ей все, что у него на душе.

«— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря...»

هكذا يا أختي الفرس.. ام يعد كوزما أيونيتش موجودا.. رحل عنا.. فجأة مات، خسارة

Эти короткие предложения с троекратным синонимическим повтором значения глагола «умереть» оказалось сложно передать на арабском стилистически точно.

Обращение «брат кобылочка» в арабском варианте становится يا أختي الفرس (о сестра моя лошадь), паремия «приказал долго жить» – رحل عنا (покинул нас), «взял и помер зря» – فجأة مات، خسارة (вдруг умер, потеря).

В финале рассказа Иона наконец нашел кому поведать свою печаль:

«Лошаденка жуёт, слушает и дышит на руки своего хозяина...»

و تمضغ الفرس و تنصت و تزفر على يدي صاحبها

Лошаденка дышит на руки Ионы, будто дует на больное место, утешая печаль и отвлекая от боли. «Лошадёнка, единственная из всех участников повествования, на уровне данного её природой инстинкта дышит на руки своего хозяина и делает то, мысли о чём не возникло ни у одного из встреченных Ионкой людей. Лошадёнка жуёт, слушает, дышит и греет не только его натруженные руки, но, можно предположить, и душу» [4, С. 1194].

Хочется отметить, что такие родственные, теплые отношения между Ионкой и его лошадью будут понятны арабскому читателю. Отношение к лошади в арабской культуре пронизано уважением и заботой.

В целом, лошадь в арабской культуре является неотъемлемой частью истории, традиций и символики, а ее значение простирается далеко за рамки простого средства передвижения, отражая духовные и культурные ценности этого региона.

Заключение

Понимание рассказа в арабской аудитории невозможно без фоновых знаний об истории России, о традициях и культуре. Сюжет рассказа представляет собой яркую картину российской действительности конца XIX века и в достаточной степени описывает русский национальный характер.

Проведённый сопоставительный анализ выявил значительные различия в русском художественном тексте и его переводе на арабский язык, а именно сложности в передаче образной, просторечной лексики, смены регистров речи, безэквивалентной лексики, культурологические отличия в образах действительности, что становится очевидным, что работа с языком русских литературных произведений в аудитории, говорящей на арабском языке, требует самой серьёзной нацеленности на лингвостилистический анализ и комментарий культурно значимых русских реалий, что позволяет разработать модель работы с текстом и комплекс упражнений для оптимизации учебного процесса в арабоязычной аудитории.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аленькина Т.Б. Рассказ А. П. Чехова “Тоска” в переводе К. Гарнетт (“Misery”): особенности интерпретации / Т.Б. Аленькина // Культура и текст. — 2020. — № 3(42). — С. 176–181. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-176-184
2. Колесов В.В. Грусть-тоска в русском языковом сознании / В.В. Колесов // Мир русского слова. — 2017. — № 3. — С. 5–13.
3. Красавский Н.А. Концепт “Тоска” в русской лингвокультуре / Н.А. Красавский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 3. — С. 23–20.
4. Сретенская Л.В. Ироничен ли А. П. Чехов в финале рассказа «Тоска»: опыт анализа / Л.В. Сретенская, Т.Ф. Куприянова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 31. — С. 1191–1195.
5. Пушкина А.В. Сравнительный анализ перевода реалий в рассказе А. П. Чехова “Дом с мезонином” / А.В. Пушкина, Л.В. Кривошылкова, А.П. Меркулова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 9(87). — С. 382–387. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.36
6. Чехов А.П. Тоска. Том 4. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах: в 30 т. / А.П. Чехов. — Москва : Наука, 1984.

7. Даль В.И. Толковый словарь Даля / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка. — 2008. — URL: <https://slovardalja.net> (дата обращения: 20.08.2024).
8. Ожегов С.И. Словарь Ожегова / С.И. Ожегов // Словарь русского языка. — 2008. — URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 20.08.2024).
9. Баранов Х.К. Арабско-русский и русско-арабский словарь онлайн / Х.К. Баранов // Большой арабско-русский словарь. — 2011. — URL: <http://arabus.ru> (дата обращения: 20.08.2024).
10. 118 - 111. أنطون تشيخوف. الأعمال المختارة. دار الشروق. - 2009. - ص. 111 - 118.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alen'kina T.B. Rasskaz A. P. Chehova "Toska" v perevode K. Garnett ("Misery"): osobennosti interpretatsii [Anton chekhov's story «Toska» in constance garnett's translation («Misery», 1921): features of interpretation] / T.B. Alen'kina // Kul'tura i tekst [Culture and text]. — 2020. — № 3(42). — P. 176–181. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-176-184 [in Russian]
2. Kolesov V.V. Grust'-toska v russkom jazykovom soznanii ['Grust'-toska' (sadness – melancholy) in Russian language consciousness] / V.V. Kolesov // Mir russkogo slova [The world of Russian word]. — 2017. — № 3. — P. 5–13. [in Russian]
3. Krasavskij N.A. Kontsept "Toska" v russkoj lingvokul'ture [The Concept of 'Anguish' in the Russian linguoculture] / N.A. Krasavskij // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. — 2009. — № 3. — P. 23–20. [in Russian]
4. Sretenskaja L. V. Ironichen li A. P. Chehov v finale rasskaza «Toska»: opyt analiza [Is A.P. Chekhov Ironic in the Ending of the Story "Toska": An Analytical Attempt] / L.V. Sretenskaja, T.F. Kuprijanova // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» [The periodical scientific and methodological electronic journal "Concept"]. — 2017. — Vol. 31. — P. 1191–1195. [in Russian]
5. Pushkina A.V. Sravnitel'nyj analiz perevoda realij v rasskaze A. P. Chehova "Dom s mezoninom" [Comparative analysis of realia translation in A. P. Chekhov's "The House with the Mezzanine"] / A.V. Pushkina, L.V. Krivoshylova, A.P. Merkulova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. — 2018. — № 9(87). — P. 382–387. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.36 [in Russian]
6. Chehov A.P. Toska. Tom 4. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomah: v 30 t. [Mysery. Volume 4. The complete collection of writings and letters in 30 volumes] / A.P. Chehov. — Moscow : Nauka, 1984. [in Russian]
7. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' Dalja [Dal's Explanatory Dictionary] / V.I. Dal' // Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. — 2008. — URL: <https://slovardalja.net> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]
8. Ozhegov S.I. Slovar' Ozhegova [Ozhegov's dictionary] / S.I. Ozhegov // Slovar' russkogo jazyka [Russian Language Dictionary]. — 2008. — URL: <https://slovarozhegova.ru> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]
9. Baranov H.K. Arabsko-russkij i russko-arabskij slovar' onlajn [Arabic-Russian and Russian-Arabic dictionary online] / H.K. Baranov // Bol'shoj arabsko-russkij slovar' [Arabic-Russian Dictionary]. — 2011. — URL: <http://arabus.ru> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]
10. Chekhov A. 'Aemal Mukhtara [Selected works] / A. Chekhov. — Dar Al-Shorouk, 2009. — P. 111–118. [in Arabic]